

A large, rusted octopus is the central focus, its tentacles spread out against a complex, blue-painted metal structure that resembles the interior of a submarine or a deep-sea research vessel. The octopus has a mottled orange and red color, suggesting it has been preserved or is dead. In the lower center, a man in a dark jacket stands with his back to the camera, looking up at the creature. The scene is dimly lit, with light highlighting the textures of the metal and the octopus's skin.

Алекс Родионов

Осьминог

18+

Алекс Родионов

Осьминог

<https://litres.ru/73974354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если «Я» — это всего лишь канал связи?

Филипп привык слышать голос, который спасает ему жизнь. Он называет его интуицией. Но что, если это не внутренний дар, а внешняя директива? Что, если ваш мозг — лишь антенна для разума, для которого человечество — не цивилизация, а набор нервных окончаний?

Одна находка в старой мастерской заставляет его усомниться в природе реальности, смерти и собственной личности. Чтобы выжить, ему придётся понять: он — приёмник... или ретранслятор?

«Осьминог» — это история о границе между свободой воли и предопределением, где за каждым «случайным» событием скрывается холодная логика высшего порядка.

Содержание

Глава 1	4
18+	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алекс Родионов

Осьминог

Глава 1

Введение

Мы привыкли верить, что мысли рождаются у нас в голове. Что интуиция — это просто опыт, а внутренний голос — отголосок подсознания. Мы верим, что мы — это мы, а мир вокруг — это объективная реальность.

Но что, если это не так?

Что, если ваше сознание — лишь антенна, настроенная на волну, о существовании которой вы даже не подозреваете? Что, если каждое ваше озарение, каждая вспышка памяти или внезапный страх — это не ваш личный опыт, а **сигнал**, пришедший извне?

Представьте себе океан. В его бездонной черноте дремлет нечто древнее и разумное. Оно не имеет формы, понятной человеку, но его воля пронизывает всё. Его нервные окончания тянутся к поверхности, проникая в наш мир, сплетаясь с ним, становясь его частью. Мы видим эти окончания как случайности, как совпадения, как «судьбу». Мы называем их «внутренним голосом».

Но что происходит, когда одна из таких нитей обрывается? Или, наоборот, когда она начинает работать в обратную сторону?

Эта книга — не о героях и злодеях. Она о связи. О той цене, которую мы платим за возможность мыслить. И о том,

что находится там, в холодной, безмолвной глубине, откуда приходят все наши мысли.

Готовы ли вы сменить частоту?

Глава 1. Вероятность

1. Филипп ненавидел понедельники. Не из-за работы — он был фрилансером-архитектором и сам выбирал график. Он ненавидел их из-за статистики. Понедельник был чемпионом по количеству «единиц». Он стоял на перроне станции «Тушинская», вглядываясь в черноту тоннеля. В наушниках играл джаз, но он его не слышал.

Его внимание было приковано к табло и к старику на противоположной стороне платформы. Старик был одет в нелепый, слишком теплый для сентября плащ. Он переминался с ноги на ногу, бормоча что-то себе под нос и поглядывая на часы. Обычный городской сумасшедший? Возможно. Но Филипп видел иначе. Вокруг старика воздух словно сгущался, подрагивал маревом над раскаленным асфальтом.

Это был визуальный эффект, который Филипп научился распознавать за годы жизни с «Каналом». Это была «вероятность». У старика она была критически высокой. «Уходи со станции», — прошелестел голос в голове. Это был не его внутренний диалог. Это был Канал Предназначения: холодный, безэмоциональный, как диспетчер в аэропорту. Филипп вздохнул. Он не был супергероем.

Он не мог подойти к незнакомцу и сказать: «Извини, му-

жик, но через три минуты тут будет п*здец, беги». Он просто отошел на три шага назад, прижавшись спиной к холодному кафелю стены.— Осторожно, двери закрываются! — прогремел механический голос. В вагон, стоявший прямо перед стариком, хлынула толпа.

Филипп видел всё в замедленной съемке. Вот старик делает шаг к краю платформы... Вот он теряет равновесие, хватаясь за воздух... Вот кто-то из пассажиров внутри вагона резко толкает дверь... «Единица», — констатировал Канал. Раздался глухой удар и короткий, оборвавшийся крик. Толпа ахнула и отпрянула от дверей.

Филипп закрыл глаза. Он не хотел видеть результат. Он знал его и так: перелом основания черепа или мгновенная остановка сердца от болевого шока. Старик был мертв. Вокруг тела уже суетились люди, кто-то вызывал скорую. Для них это была трагедия. Для Филиппа — статистика. Сбой в системе.

Он снял наушники. Джаз казался фальшивым. Канал снова ожил, но теперь голос был адресован ему лично: «Не садись в первый вагон следующего поезда». Филипп усмехнулся. Он уже привык к этому дерьму. Он перешел в начало платформы. Когда поезд подъехал, он пропустил первый вагон и шагнул во второй.

Двери закрылись. Состав тронулся. В ту же секунду в первом вагоне раздался оглушительный хлопок, скрежет металла и погас свет. Поезд резко затормозил. Пассажиры второ-

го вагона загудели, прилипнув к окнам. Филипп отвернулся и уставился в черное стекло двери напротив.

В отражении на него смотрел молодой мужчина с усталыми глазами. Он вспомнил деда Филиппа Алексеевича. Дед умер десять лет назад от внезапного инсульта. Тогда Филиппу казалось это несправедливым ударом судьбы. Теперь он понимал: это был «СБРОС». Система отключила щупальце, которое стало слишком самостоятельным.

Филипп коснулся кармана куртки, где лежал старый ключ с причудливой бородкой. Дед оставил ему не просто наследство. Он оставил ему войну. Поезд снова набрал ход. Впереди была пересадка на синюю линию. «Не выходи на Пушкинской», — шепнул Канал. Филипп сжал ключ в кармане крепче. — А куда мне выходить? — тихо спросил он у своего отражения в стекле. Отражение молчало.

Глава 2. Рундук и ретранслятор

Филипп вышел на «Речном вокзале». Ветер с канала ударил в лицо, принесся запах мокрого бетона и речной тины. Канал Предназначения молчал, что само по себе было плохим знаком. Это было затишье перед бурей, пауза, пока Осьминог решает, каким щупальцем его придушить. Ключ в кармане казался куском льда.

Он жёг бедро через ткань джинсов. Электричка до Зеленограда была почти пустой. Филипп сел у окна. За стеклом проносились серые панельные дома, потом начались поля и

перелески. Он смотрел на своё отражение в тёмном стекле. Усталый мужчина, которому нет и тридцати пяти, а кажется, что все шестьдесят. «Ты не приёмник», — всплыла в памяти надпись деда. «Ты — ретранслятор». Что это значило?

Что они не просто пассивно слушали эфир Ноосферы, а могли что? Передавать сигнал дальше? Менять его? Глушить? Мастерская встретила его запахом пыли, масла, сухой древесины. Здесь ничего не изменилось со дня похорон. На верстаке всё ещё лежал недоделанный деревянный самолёт — дед умер внезапно, за неделю до своего семидесятилетия.

Рундук стоял в углу, накрытый куском брезента. Филипп смахнул пыль и паутину. Массивный, сколоченный из толстых дубовых досок, он выглядел как сундук морского пирата. Замочная скважина была спрятана под декоративной накладкой. Ключ вошёл бесшумно. Механизм сработал идеально. Дверца приоткрылась с протяжным стоном.

Внутри не было сокровищ. Чертежи, катушки с медной проволокой, россыпь старых радиоламп. Он провёл рукой по дну и нащупал небольшую выпуклость. Нажал. Раздался тихий щелчок. Задняя стенка рундука плавно отъехала в сторону. Внутри стоял он — прибор. Это был не компьютер. Это был артефакт. Деревянный корпус ручной работы, внутри которого угадывалась сложнейшая схема из проводов, кристаллов СБИС, кубитов и стеклянных трубок, наполненных переливающейся жидкостью, похожей на ртуть, но более вяз-

кой, живой.

И сбоку — та самая медная пластина. Зелёный налёт патины не мог скрыть четыре кнопки: ВХОД, ВЫХОД, СВЯЗЬ, АРХИВ. Палец сам потянулся к кнопке «СВЯЗЬ». В голове взорвалась боль. Не мигрень — ощущение, будто череп пытаются вскрыть консервным ножом изнутри. «ОСТАНОВИСЬ! НЕ ТРОГАЙ! ЭТО НЕ ТВОЁ! ЭТО ПРИВЕДЁТ К СБРОСУ!» Боль была невыносимой.

Он отдернул руку и упал на колени, хватая ртом пыльный воздух мастерской. Когда зрение прояснилось, он увидел надпись на крышке прибора, выгравированную мелким, аккуратным почерком деда: «Филиппу от Филиппа. Если ты это читаешь, значит, цикл начался снова. Не ищи ответов в АРХИВЕ — они тебя сломают. Ищи причину в КАНАЛЕ КОНТРОЛЯ. Мы не приёмники. Мы — ретрансляторы».

Он перечитал надпись трижды. «Мы не приёмники. Мы — ретрансляторы». Глобальный разум не просто слушал их. Он говорил через них. А дед... Дед пытался построить устройство для двусторонней связи или... для блокировки сигнала? Канал Предназначения молчал. Он был ошеломлён или напуган. Возникло два вопроса: 1. Что произойдёт, если нажать «АРХИВ»? 2. И кто такой «Филипп», подаривший этот прибор его деду? Палец снова потянулся к прибору. На этот раз — к кнопке «АРХИВ».

Глава 3. The Abyssal View.

Палец Филиппа коснулся холодной, шершавой поверхно-

сти кнопки «АРХИВ». В ту же секунду мир вокруг него не исчез, а вывернулся наизнанку .

Это было похоже на то, как если бы кто-то схватил кадр на экране старого лампового телевизора и начал его мять, растягивать и комкать. Реальность мастерской — пыльный воздух, запах масла, шершавая поверхность рундука под коленями — пошла волнами, поплыла, превращаясь в испорченную картинку с помехами.

Но вместо серого «снега» на экране проявилось нечто иное. Чёткое. Бесконечное.

Сознание Филиппа перестало быть точкой в пространстве. Оно стало линзой, через которую хлынул свет всех возможных реальностей. Он больше не был Филиппом, стоящим на коленях в подмосковной мастерской. Он был наблюдателем , висящим в пустоте между мирами.

Он увидел не глазами. Он увидел всем своим существом.

1. Миры объектов, бесконечные слои существования неживого. Камень на полу был не просто камнем. Он был узлом, где пересекались миры минералов, тектонических плит и планетарных циклов. Он чувствовал его медленную, миллионнолетнюю жизнь. Лист, прилипший к грязному окну, пульсировал жизнью и смертью одновременно. Везде было Я . Не человеческое «я», а осознание бытия как такового. осьминог видел мир через свои щупальца, и каждое щупальце было отдельным миром.

2. Миры душ

Он увидел их — бесчисленные искры сознания. Души людей, животных, возможно, чего-то большего. Они не были статичны. Они перетекали из формы в форму, из жизни в жизнь, создавая сложный, вибрирующий узор реинкарнации. Он увидел и свою душу — яркую нить, прошивающую ткань времени. Она была здесь не в первый раз. И не во второй. Она была вечным странником в этой петле.

3. Миры Посвящённых

Над этим океаном душ парили другие сущности. Те, кто осознал природу Системы. Они не были богами, они были инженерами. Они настраивали частоты, следили за каналами связи. Филипп Алексеевич был одним из них. Он видел его — яркую, упрямую точку, которая пыталась построить «выключатель», этот самый рундук-ретранслятор.

4. Миры Контролёров

И над ними стояли другие. Холодные, безэмоциональные алгоритмы самой Системы. Они не управляли в человеческом понимании. Они были законами физики этой мультивселенной. Они следили за тем, чтобы цикл не прерывался. Чтобы души возвращались. Чтобы «единицы» вероятности исправно стирали тех, кто слишком много понял.

И всё это было матрёшкой. Миры внутри миров до бесконечности. Каждый уровень был и клеткой, и целым организмом одновременно.

Филипп почувствовал себя песчинкой, осознавшей, что она находится внутри песочных часов, которые являются

лишь украшением на полке в библиотеке бесконечности.

А потом он увидел главное: Цикл.

Это была не спираль и не круг. Это была петля Мёбиуса, перекрученная реальность, где причина и следствие менялись местами. Он умирал не потому, что так велела Система. Система велела ему умереть, потому что он уже умирал в этой точке времени тысячи раз до этого.

Картинка начала схлопываться. Сознание возвращалось в черепную коробку, в тело, стоящее на коленях в пыльной мастерской.

Последнее, что он успел понять перед тем, как реальность мастерской окончательно вернулась, было самым страшным:

Он нажал кнопку «Архив» не потому, что так решил. Он нажал её потому, что он уже нажимал её во всех предыдущих жизнях. И каждый раз это заканчивалось одним и тем же — сбросом.

Он поднял голову. В глазах двоилось от резкого перехода между измерениями.

На медной пластине прибора тускло светилась новая кнопка:

СБРОС.

Филипп отшатнулся от прибора, словно тот был раскалён докрасна. Его трясло.

«Не ищи ответов в АРХИВЕ — они тебя сломают», — писал дед.

Сломают? Он уже сломан. Он видел скелет реальности, и

этот скелет принадлежал чудовищу по имени Осьминог.

Канал Предназначения молчал. Впервые за тридцать лет в его голове была абсолютная тишина. То ли Система была в шоке от его поступка, то ли готовила финальный удар.

Филипп встал и попятился к выходу из мастерской. Его взгляд упал на недоделанный самолётик на верстаке деда.

«Ищи причину в КАНАЛЕ КОНТРОЛЯ».

Причина... Что если причина не в том, что он ретранслятор? Что если причина в том, что он —

бракованный ретранслятор? Что если дед пытался не связаться с Осьминогом... а найти способ его отключить?

За окном мастерской раздался звук подъезжающей машины. Хлопнула дверца.

Кто-то приехал.

Кто это? Случайный грибник? Или это Система прислала своих «Контролёров», чтобы активировать кнопку «СБРОС» вручную?

Глава 4. Гость

Филипп замер. В звенящей тишине мастерской, нарушаемой лишь его собственным хриплым дыханием, звук хлопнувшей дверцы машины прозвучал как выстрел. Это было слишком реально, слишком... по-земному, после того космического ужаса, который он только что увидел в «Архиве».

«Беги», — шепнул Канал, но это был не тот холодный, властный голос Контролёра. Это был голос инстинкта само-

сохранения, тихий и испуганный.

Филипп метнулся к окну, стараясь не задеть верстак. Сквозь мутное, засиженное мухами стекло он увидел у калитки чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Из машины вышли двое.

Они не были похожи на грабителей или случайных прохожих. Их движения были выверенными, экономными. Они не оглядывались по сторонам, оценивая обстановку, — они её сканировали. Один, высокий и худой, в длинном сером пальто, сразу направился к калитке. Второй, коренастый и плотный, остался у машины, сунув руки в карманы и медленно поворачивая голову, словно радар.

«Контролёры», — пронеслось в голове у Филиппа. Те самые сущности из видения? Или их земные агенты?

Высокий толкнул калитку. Она была не заперта. Он вошёл во двор, даже не взглянув на покосившийся почтовый ящик.

Филипп отпрянул от окна. Сердце колотилось где-то в горле. Взгляд упал на прибор в рундуке. Кнопка «СБРОС» тускло поблескивала в полумраке.

«Это за мной», — понял он. Система не стала ждать, пока он нажмёт кнопку сам. Она прислала тех, кто делает это лично.

Нужно было уходить. Но куда? Внизу уже скрипнула первая ступенька крыльца.

Мысли путались. Мастерская деда была на первом этаже, и окон, выходящих на другую сторону, здесь не было. Только

дверь в сад, но второй гость наверняка уже обошёл дом.

Взгляд Филиппа снова упал на рундук. На медную пластину с кнопками.

«Мы — ретрансляторы», — сказал дед.

А что, если «Выход» — это не просто команда прибору? Что, если это команда для него самого? Способ разорвать связь? Сбросить с хвоста Контролёров?

Снизу донёсся глухой удар — входная дверь не выдержала напора.

Решение пришло мгновенно. Филипп схватил прибор. Он был неожиданно тяжёлым и тёплым на ощупь, словно живой. Он сунул его под мышку и бросился к старому платяному шкафу в углу. Дверца скрипнула, открывая тёмное нутро, пахнущее нафталином и старостью.

На задней стенке шкафа он нащупал то, что искал — небольшую выемку. Дед показывал ему это в детстве, называя «секретным ходом». Филипп нажал на пружину. Задняя стенка шкафа со щелчком отошла в сторону, открывая узкий лаз в подпол.

Входная дверь мастерской с грохотом распахнулась.

— Филипп! — раздался снизу спокойный, уверенный голос. — Мы знаем, что ты здесь. Спускайся. Это не займёт много времени.

Филипп не стал отвечать. Он швырнул прибор в темноту лаза и скользнул следом. Стенка шкафа встала на место за секунду до того, как дверцы распахнулись.

В подвале пахло сыростью и землёй. Где-то капала вода. Филипп включил фонарик на телефоне. Луч света выхватил из темноты земляные стены и старый прибор, лежащий на куче песка.

Наверху слышались шаги. Тяжёлые, методичные. Контролёры обыскивали комнату.

Филипп поднял прибор трясущимися руками. Его пальцы сами нашли кнопку «ВЫХОД». Он нажал её.

Ничего не произошло. Ни вспышки света, ни звука. Просто тишина подвала и шаги над головой.

Разочарование было острым, как боль.

И тут он услышал голос прямо над собой. Контролёр стоял прямо у шкафа.

— Он был здесь минуту назад. Сканер показывает наличие аномальной активности под домом.

— Копаем? — спросил второй голос, более низкий.

— Нет времени. Объект активировал протокол «Ретранслятор». Он пытается разорвать связь с ядром.

Филипп похолодел. Они говорили о нём так, будто он был неисправным оборудованием.

— Тогда запускаем протокол «Ампутация», — равнодушно сказал низкий голос. — Щупальце заражено. Отсекаем по живому.

В ту же секунду наверху раздался громкий хлопок, похожий на выстрел из монтажного пистолета или сильный удар кувалдой. Дом вздрогнул. С потолка подвала посыпа-

лась пыль и мелкий мусор.

Это был не выстрел в него. Это был выстрел в дом.

Контролёры не собирались его искать. Они собирались его замуровать. Или похоронить под обломками.

Филипп посветил фонариком вокруг. Лаз за его спиной уходил глубже в землю, под фундамент дома.

Выбора не было.

Сжимая в руках дедов прибор и кашляя от пыли, Филипп пополз в темноту, слыша, как над ним рушится потолок его прошлой жизни.

Глава 5. Точка перехода

Лаз был узким, сырым и бесконечным. Филипп полз, толкая перед собой дедовский прибор, который теперь казался якорем, а не спасением. Сзади, из оставленного позади подвала, не доносилось ни звука, но он чувствовал: дом рушится, погребая под тоннами кирпича и дерева его старую жизнь, его имя, его прошлое.

Воздух стал другим. Пыль сменилась запахом озона и чего-то ещё — неуловимо знакомого, словно аромат озёрной воды и мокрого песка в детстве. Лаз начал расширяться, превращаясь в неровную пещеру. Впереди забрезжил свет — не электрический, а мягкий, рассеянный, будто от невидимого источника.

Он выбрался.

Филипп оказался в небольшой земляной камере. Выход был завален переплетением корней огромного дерева, сквозь

которые и сочился этот странный свет. Воздух здесь был чистым и прохладным.

Он поднялся на ноги, отряхивая грязь с одежды. Руки всё ещё сжимали прибор. Кнопка «ВЫХОД» погасла, но «СБРОС» больше не светилась. Устройство казалось спящим.

Филипп подошёл к корням, осторожно раздвинул их и выглянул наружу.

Он ожидал увидеть лес за дедовской дачей. Но то, что открылось его взору, заставило сердце пропустить удар.

Мир был тем же, но не тем.

Вместо привычного подмосковного леса с его берёзами и соснами перед ним раскинулась роща исполинских папоротников и хвощей. Их гигантские листья смыкались высоко над головой, образуя живой свод, сквозь который пробивались лучи солнца. Свет был не жёлтым, а с явным золотисто-зелёным оттенком, отчего всё вокруг казалось погружённым в вечные сумерки тропического леса.

Воздух гудел от стрекота невидимых насекомых размером с воробья. Где-то вдалеке трубно проревело какое-то огромное животное.

Филипп выкарабкался наружу и встал, пошатываясь. Он не упал в обморок лишь потому, что тело было переполнено адреналином.

Это была Земля. Но не его Земля.

«Точка ретрансляции», — прошелестел Канал Предна-

значения. Голос был слабым, словно пробивался через сильные помехи, но он был здесь.

«Смежный слой. Карман реальности. Здесь влияние Ядра ослаблено».

— Почему здесь? — прошептал Филипп в пустоту.

«Дед знал пути отхода. Он подготовил ретранслятор не для связи. А для побега».

Филипп посмотрел на прибор в своих руках. Теперь он понимал: дед не просто изучал Осьминога. Он вёл с ним войну партизанскими методами. Создавал тайные базы в складках реальности.

Внезапно прибор в его руках тихо завибрировал и издал низкий, басовитый гул. На медной пластине ожила кнопка «СВЯЗЬ». Она пульсировала мягким синим светом.

Канал Предназначения снова заговорил, но теперь его голос был другим — искажённым, полным помех и чужих эмоций.

«Филипп... Ты... нашёл путь... Это опасно... Они... ищут тебя... во всех слоях... Не доверяй... никому».

Связь оборвалась так же резко, как и началась.

Филипп остался один посреди доисторического леса, сжимая в руках работающий ретранслятор и понимая одно: дед оставил ему не просто ключ к тайне. Он оставил ему войну.

Глава 6. Эхо вечной войны

Филипп стоял посреди рощи гигантских хвощей, и его трясло. Но это был не просто страх смерти или шок от пе-

ремещения. Это была холодная, выворачивающая наизнанку истина, которая обрушилась на него всей своей тяжестью.

Он смотрел на папоротник, чьи листья размером с парус покачивались над головой. Он слышал рёв неведомого зверя вдалеке. Он чувствовал влажную, первобытную землю под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.